

Роль советского политического мифа и советской обрядности в идеологическом воздействии на общественное сознание

Андреев А. В.

*Андреев Андрей Владимирович / Andreev Andrey Vladimirovich - аспирант,
кафедра психологии,*

Московский университет государственного управления, г. Москва

Аннотация: в статье проводится анализ советского политического мифа и советской обрядности при идеологическом воздействии на общественное сознание граждан. Изучается потенциал психологического воздействия советского мифа и советской обрядности на мышление, восприятие, поведение и ценности советского человека. В заключение делаются выводы о манипуляционном и корректирующем потенциале изучаемых явлений.

Ключевые слова: советский политический миф, советская обрядность, идеологическое воздействие.

УДК 159.9

Содержание идеологии и особенности ее воздействия на общественное сознание людей вызывают живой интерес ученых и исследователей различных областей научного и философского знания. В рамках данного психологического исследования отдельное внимание будет уделено значению политического мифа и советской обрядности в контексте идеологического моделирования мышления и поведения человека. Так как изучаемые явления неразрывно связаны с понятием идеологии, целесообразно дать характеристику этому явлению социальной и политической жизни людей. Как указывает Н. М. Сирота, понятие «идеология» обладает древнегреческим происхождением и переводится, как «учение об идеях». Данный термин ввел в научный оборот известный французский философ Антуан де Траси в конце XVIII века. Также автор отмечает, что в современном научном знании большая часть ученых рассматривает идеологию как систематизированную совокупность идей, которая выражает интересы социальных групп, классов, партий и наций. При этом в современной науке популярно мнение, согласно которому, внедрение какой-либо идеологии предназначено для дезинформации населения ради материальных и политических интересов [14, с. 9]. В свою очередь С. Г. Кара-Мурза рассматривает идеологию, как комплекс идей и концепций, с помощью которого человек понимает общество, социальный порядок и самого себя в этом обществе и в мире [8, с. 1]. Д. Шварцмантель понимает идеологию, как совокупность нормативных идей, которые формируют идеал и обеспечивают массовую поддержку этих идей через агитацию [16, с. 49]. Е. А. Когай указывает, что идеология призвана формировать в массовом сознании аксиологическую (оценочную) систему, которая выгодна правящей политической элите. Тем самым идеология создает соответствующую мотивацию политического и экономического группового и индивидуального поведения [9, с. 186-187]. Стоит отметить, что живой интерес научного сообщества к явлению идеологии был вызван упадком ранее сильного религиозного мировоззрения и укреплением светских представлений об устройстве Мира в начале XIX века. Более того, упадок значения религии ознаменовал распад целостной картины мира и объединяющих людей духовных принципов. Подобный процесс привел к напряженной борьбе между разными идейными установками, которые превращались в различные идеологии, обладающие большой действенной силой [5, с. 181]. Так, в процессе потрясений от Первой мировой войны, появились четыре абсолютно новые политические движения, каждое из которых строилось на особой идеологии [18, с. 17]. Одним из таких движений был ленинский коммунизм, преобразовавший исходные положения Марксистской теории под реалии сложной социокультурной ситуации в России начала XX века.

В.В. Пальченков пишет, что советская власть на этапе своего раннего формирования, исходя из идейного потенциала коммунистической идеологии, старалась присвоить духовные и социальные факторы производства, а именно саму возможность человека по своей воле и в своих интересах создавать различные коллективные формы. Автор считает, что при подобном властном акте государственный аппарат идейно подчиняет и поглощает общество [12, с. 1220]. При этом одним из главных средств поддержки манипуляционного воздействия в советском обществе были политико-мировоззренческие мифы о «всемирно-исторической миссии пролетариата», «полной демократии», «коллективистской природе человека» и другие их виды, обеспечивающие мобилизацию архетипа о наступлении царства истины и всеобщей справедливости [6, с. 13]. П. С. Гуревич, ссылаясь на И. В. Кондакова, также отмечает, что тоталитаризм часто использует мифологические архетипы. При этом нагнетание идеологической лжи, помпезности, преувеличенный оптимизм, культовая идеализация людей и событий требовали от официальной тоталитарной культуры преувеличенной показной «правдивости» [4, с. 349]. С. П. Боброва придерживается аналогичной точки зрения и отмечает, что советский человек пребывал в мире, подчиненном мифологизированной идеологии, которая влияла на мотивацию его поступков, побуждений, систему ценностей и моральное состояние [2, с. 135-137]. Н. Ю. Шакирова

также придерживается мнения, что в основе построения тоталитарного общества лежит политико-мировоззренческий миф, обеспечивающий реализацию социального архетипа [15, с. 144-146]. В свою очередь А. Кольев пишет, что политический миф является архетипической конструкцией, спроецированной в сферу самоорганизации общества. При этом, если миф определяется идеологемой, зависящей от политической доктрины, то мифотворчество носит сознательный, а не обусловленный социальной средой произвольный характер своего формирования [10, с. 75]. Возвращаясь к тезису А. Кольева о том, что миф является архетипической конструкцией, будет уместно привести точку зрения А. А. Цыльковского, который также указывает, что мифологические символы, которые воплощают в себе различные смыслы, следует рассматривать в качестве архетипов социального поведения [17, с. 131]. При этом, как пишет С.П. Боброва, при программировании общественной деятельности в инструментарии советского мифа сочетались и объективный опыт познания окружающей действительности, и авторитеты духовных вождей, и система табу, четко определяющая нормы и границы социального поведения, мышления и свободы в целом [2, с. 135-137]. Л. И. Бенина пишет, что главной причиной эффективного восприятия мифологии массовым сознанием являются ее простые объяснения сложных социальных явлений и процессов. При этом человек, оказавшийся под воздействием мифа, воспринимает социальные факты, преувеличивая значение тех, которые совпадают с его взглядами, и отвергая те, которые не укладываются в его представления о действительности. По мнению автора, воздействие мифов оказывается наиболее эффективным при целенаправленной политической мифологизации общественного сознания. Так советская политическая система, формируя нового человека, внедряла в массовое сознание не критическое отношение к режиму власти и всем ее решениям [1, с. 67].

При этом советские идеологи и психологи открыто восхваляли факт идеологического моделирования основных направлений социокультурной жизни общества. Так В. А. Ядов пишет, что самым ярким проявлением взаимодействия общественной психологии и идеологии является процесс формирования общественного мнения. При этом автор уличает религию в проникновении в духовный мир человека для подчинения его разума через создание определенного религиозного настроения. Давая подобную оценку религиозным чувствам, в то же время указывается на большое значение религиозных праздников, обрядов и ритуалов, как инструментов психологического воздействия для манипуляции общественным сознанием. Автор отмечает, что данные попытки церкви к манипуляции необходимо пресекать заменой всех религиозных обрядов и праздников на светские, социалистические праздники и мероприятия. По мнению автора, использование идеологического потенциала новых праздников обеспечит более эффективное усвоение высокоморальных постулатов социализма. Тем самым, В. А. Ядов указывает на необходимость пресечения одного типа моделирования общественного сознания другим типом [19, с. 58-60]. На достоверность данного утверждения также указывает точка зрения Н. М. Заковича, считающего, что при своем возникновении коммунистические гражданские праздники были направлены именно на отрицание религиозной обрядности. Автор пишет, что советские праздники и обряды играют крайне важную роль в идеологическом и патриотическом воспитании трудящихся, и что активное участие граждан в коммунистическом строительстве достигается посредством нововведенных праздников, как части арсенала форм и способов идейного воздействия. Автор также признает большую значимость культурной общественной жизни в контексте ее обрядности. То есть, по мнению Н. М. Заковича, даже упразднение религиозности обрядов и их переориентация на атеистическую направленность, не умаляет их социально полезных функций. При этом, как ранее уже отмечалось, под такими социально полезными функциями автор подразумевает идеологическое и патриотическое воспитание трудящихся [7, с. 138]. Как пишет С. П. Боброва, такие формы социальной коммуникации, как советские ритуалы, собрания или демонстрации обеспечивали совместное восприятие людьми ситуаций и собственных состояний, что было необходимо для формирования ранее упомянутых мифологических феноменов сознания у каждого члена социума [2, с. 135-137]. Л. А. Мясникова также считает, что далеко не последнюю роль в закреплении постулатов советской идеологии сыграло ранее рассмотренное мифотворчество и идейный инструментарий религии, обеспечивающий общественную консолидацию через провозглашение нравственных норм и создание вместо религиозных, новых коммунистических праздников. На факт заимствования советской идеологией идейного инструментария религии указывает факт апелляции к так называемой сверх реальности, идеальной модели будущего социалистического общества [13, с. 64]. М. Т. Якупов тоже указывает на заимствование коммунистической идеологией мирных постулатов православия, что объясняется автором бессознательной идеей общества, согласно которой существование и развитие любой социально-политической системы невозможно без соответствующей духовной основы [13 с. 132]. Как пишет Ю. Ф. Литвяк, при одновременном заимствовании некоторых религиозных идей о гармоничном социальном сосуществовании, такие традиционно присущие православию и всему мировоззрению русского народа принципы, как терпимость, гуманизм, «любовь к ближнему», исполнение религиозных обрядов и почитание религиозных обычаев – были вытеснены из сознания народа [13, с. 132]. В свою очередь В. С. Глаголев пишет, что в сложном механизме поведенческой деятельности человека обряды способствуют как усвоению общественно значимых

ценностей, так и реализации их в определенных действиях, предлагая модели поведения. При этом, автор, признавая элемент принудительного внушения в советской обрядности, одновременно занижает его значение, аргументируя это тем, что обряды советского общества ориентированы на разумное развитие личности, делающей якобы свободный социально-нравственный выбор (в идейных рамках господствующей идеологии). Также автор указывает, что через сценарий и красочную театрализацию обряд формирует в межличностных отношениях желание совершать одобряемые обществом действия, или воздерживаться от такого образа мыслей и поведения, которые общественность не одобряет. Кроме того, автор пишет, что в ходе обрядовых действий реализуются разнообразные механизмы идейно-эмоционального влияния на личность, ориентирующие и направляющие ее поведение [3, с. 25-36]. О.В. Лихонина тоже указывает, что истоки тоталитарного карнавального мироощущения выражались в массовом мифологическом сознании. При этом в тоталитарном карнавале происходил процесс «перерождения» человека-личности в человека-массу. Данный эффект являлся средством маскировки иллюзорности бытия и являлся средством растворения личности в толпе [11, с. 15].

На основе проведенного анализа можно заключить, что политическому мифу свойственно создание дополнительной социальной реальности, переводящей постулаты официальной идеологии из теоретической формы в реальную практическую жизнь. Благодаря мифу, человек воспринимал постулаты идеологии, как естественные и закономерные явления и процессы, выражающие суть общественного бытия. Советская обрядность обеспечивала идеологическую правдивость мифологизированной картины мира и служила средством идейного и духовного объединения людей. При этом в советской обрядности особый акцент делался на значимой роли коллективной жизни человека. Политический миф и советская обрядность выступали не только эффективными средствами консолидации и развития советского общества, но и способом для моделирования общественного сознания. Достижимая при этом сплоченность общества обеспечивала наиболее эффективное использование масс для достижения устанавливаемых правительством целей и стратегических задач.

Литература

1. *Бенина Л. И.* Политическая мифология как элемент массовой политической культуры // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий), 2014. № 3 (24). С. 67-70.
2. *Боброва С. П., Высоцкая А. Л.* К вопросу о мифологичности советской ментальности // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова, 2010. № 1. С. 135-137.
3. *Глаголев В. С.* Эмоционально-психологические основы советской обрядности. М.: «Знание», 1978. 40 с.
4. *Гуревич П. С.* Политическая психология: учебное пособие для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 543 с.
5. *Ерасов Б. С.* Социальная культурология: Пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Аспект пресс, 2000. 591 с.
6. *Ермаков Ю. А.* Социально-политические манипуляции личностью: сущность, технология, результаты: автореф. дис. ... доктора фил. наук. Екатеринбург, 1995. 48 с.
7. *Закович Н. М.* Советская обрядность и духовная культура. Киев: «Наукова Думка», 1980. 221 с.
8. *Кара-Мурза С. Г.* Идеология и мать её наука. М.: Алгоритм, 2002. 256 с.
9. *Когай Е. А., Колесников В. В., Марков Б. В.* Идеология: поиски и находки. Коллективная монография. М.: Международное издание «Этносоциум и межнациональная культура», 2015. 420 с.
10. *Кольев А.* Политическая мифология: Реализация социального опыта. М.: Логос, 2003. 384 с.
11. *Лихонина О. В.* Театральность культуры тоталитарного государства (на примере советской культуры конца 1920-1930-х годов): автореф. дис. ... кандидата культурологических наук. Екатеринбург, 2008. 22 с.
12. *Пальченков В. В.* Особенности формирования общественного мнения в рамках теории исторического коммунизма // Научный альманах, 2015. № 7 (9). С. 1218-1220.
13. *Рабинович Е. И.* Советский социокультурный проект: исторический шанс или глобальная антиутопия: материалы Международной научной конференции (X Колосницынские чтения), 2015. 342 с.
14. *Сирота Н. М.* Идеологии в мировой политике: учебное пособие. Саратов: Вузовское образование, 2014. 187 с.
15. *Шакирова Н. Ю.* Язык тоталитарного общества как механизм политического подавления личности // Вопросы психолингвистики, 2006. № 3. С. 144-152.
16. *Шварцмантель Д.* Идеология и политика / Пер. с англ. Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2009. 312 с.
17. *Цельковский А. А.* Мифология и идеология: роль рациональности в их взаимодействии: монография. Липецк: Издательство Липецкого государственного технического университета, 2014. 180 с.

18. *Эйстейн Сёренсен*. Мечта о совершенном обществе. Феномен тоталитарной идеологии. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 232 с.
19. *Ядов В. А.* Идеология, как форма духовной деятельности общества. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1961. 122 с.